

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.13582

EDN: KRDKFL

Евангельская основа темы братства людей в творчестве И. А. Бунина

Т. Н. Ковалева

*Пятигорский государственный университет
(г. Пятигорск, Российская Федерация)*

e-mail: tatjana_kovaleva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию темы братства людей и ее эволюции в творчестве И. А. Бунина. В художественном мире писателя утверждается идея новых — евангельских, братских — отношений между людьми, основанных на христианской любви. В ранних стихотворениях «В костеле», «Надпись на могильной плите» появляются ключевые для понимания развития темы братства людей образы и мотивы: образ Христа, мотив верности «завету любви» и новым, евангельским, отношениям между людьми. В произведениях 1914–1916 гг. И. А. Бунин создает образ человечества, забывшего о Боге, о Христе, о своем изначальном братстве. В стихотворениях «Молчание», «Отчаяние», в рассказах «Братья», «Весенний вечер» звучит трагический мотив разрушения братства людей. Особое внимание в статье уделено исследованию христианского текста в рассказе «Братья», результаты которого позволили говорить о евангельском значении слова «братья» в эпиграфе и в названии рассказа, играющих важнейшую роль в выражении ключевой авторской идеи. Произведения И. А. Бунина периода революции 1917 г. и Гражданской войны — дневник «Окаянные дни» и речь «Миссия русской эмиграции» — пронизаны трагическим мотивом братоубийства и образами русского Каина и русского Авеля. В творчестве И. А. Бунина периода эмиграции, в лирико-философской прозе 1920-х гг., вновь звучит идея братства людей, глубочайшей взаимосвязи всего человечества. Тема братства людей в творчестве И. А. Бунина, имеющая евангельскую основу, развивается на протяжении всего творчества писателя, что свидетельствует о ее значимости для мировоззрения писателя и его концепции мира и человека.

Ключевые слова: И. А. Бунин, лирика, рассказы, публицистика, поэтика, Евангелие, идея, братья, братство, библейские цитаты, реминисценции, мотив, братоубийство

Для цитирования: Ковалева Т. Н. Евангельская основа темы братства людей в творчестве И. А. Бунина // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 2. С. 153–171. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13582. EDN: KRDKFL

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.13582

EDN: KRDKFL

The Theme of the Brotherhood of Man in the Works by I. A. Bunin

Tatiana N. Kovaleva

*Pyatigorsk State University
(Pyatigorsk, Russian Federation)*

e-mail: tatjana_kovaleva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the researching of the theme of the brotherhood of people man and its evolution in the works by I. A. Bunin. In the artistic world of the writer, the idea of new — evangelical, fraternal relations between people, based on Christian love, is affirmed. The key images and motives for understanding the evolution of the theme of brotherhood of people appear in the early poems, such as “In Kostyol,” “The Gravestone Scripture:” the image of Christ, the motive of faithfulness to the “covenant of love” and to a new, evangelical relationship between people. In the works of 1914–1916 I. A. Bunin creates the image of humanity, which that has forgotten about God, about Christ, about its original initial brotherhood. There is a tragic motive of destruction of the brotherhood of people man poems “Silence,” “Desperation” and in his stories “Brothers,” “The Spring Evening.” The article pays special attention to the study of the Christian text in the short story “Brothers,” the results of which allow to speak about the Gospel meaning of the word “brothers” in the epigraph and in the title of the story, which are playing the most important role in the expression of the key author’s idea, phrased in the words of Christ. I. A. Bunin’s works of the period of the Russian Revolution of 1917 and of the Civil War, namely his diary “Cursed Days” and his speech “The Mission of Russian Emigration,” are imbued with the tragic motive of fratricide and with images of Russian Cain and Russian Abel. The ideas of brotherhood of people and of the deepest interconnection of all humanity people is heard-sounds again in through the works by I. A. Bunin inof the emigration period, in and in his lyrical and philosophical prose of the 1920s. The theme of the brotherhood of people in the works by I. A. Bunin, which undoubtedly has an undoubted evangelical basis, develops throughout the writer’s work, which testifies to its significance for the writer’s worldview and his concept of peace and man.

Keywords: I. A. Bunin, lyrics, stories, journalism, poetics, Gospel, idea, brothers, brotherhood, biblical quotes, reminiscences, motive, fratricide

For citation: Kovaleva T. N. The Theme of the Brotherhood of Man in the Works by I. A. Bunin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 2, pp. 153–171. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13582. EDN: KRDKFL (In Russ.)

В художественном мире И. А. Бунина, начиная с ранних произведений и заканчивая произведениями зрелого творчества, утверждается идея новых — евангельских, братских — отношений между людьми, основанных на христианской любви. Эта идея — одна из важнейших Божественных истин, принесенных в мир Спасителем. Чтобы понять, как она отражается в творчестве И. А. Бунина, необходимо обратиться к Евангелиям, в которых запечатлено, что говорил Христос о человеке Нового Завета, какими должны быть новые отношения между людьми, почему Спаситель призывал называть друг друга братьями. В Евангелии от Матфея изображено, как Христос, обличая лицемерие и высокомерие фарисеев, обращается к своим ученикам и собравшемуся народу и говорит: «А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы — братья; И отцем себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах» (Мф. 23:8–9).

В Нагорной и в других своих проповедях Христос неоднократно использует слова «брат», «братья».

Идея братства людей в Евангелиях закономерно связана с идеей христианской любви, составляющей сущность Нового Завета. Отвечая на вопрос о «наибольшей заповеди в законе» (Мф. 22:36), Христос называет главную заповедь: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: Сия есть первая и наибольшая заповедь» (Мф. 22:37–38). Вслед же за первой называет «вторую <...> подобную ей»: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:39).

В Евангелии от Иоанна содержатся важнейшие пояснения Иисуса Христа этой второй главной заповеди. Спаситель проповедовал новый уровень взаимоотношений между людьми — уровень Божественной любви, которая является сутью Нового Завета: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, *так* и вы да любите друг друга» (Ин. 13:34).

И. А. Бунину особенно близка эта евангельская идея братства людей, которая начинает звучать уже в его раннем творчестве. В самом начале своего пути, наряду с множеством прекрасных пейзажных произведений, начинающий поэт

создает несколько стихотворений, свидетельствующих о его глубококом знании и понимании сердцем истин Нового Завета. В 1889 г. девятнадцатилетний И. А. Бунин пишет стихотворение «В костеле», в котором создает ключевой для понимания развития темы братства людей образ Христа:

«И над всем — Христа распятые:
В диадеме роз,
Скорбно братские объятия
Распростер Христос...»¹.

В этих строках не просто воспроизведение картины Распятия в храме. Называя объятия Христа «братскими», И. А. Бунин обращает нас к Евангелиям, к истинам о христианской любви и человеческом братстве, возвещенным Спасителем. Образ «скорбных братских объятий Христа» содержит в себе, как в зерне, евангельскую идею христианской Божественной любви, братства людей как духовного единства и мотив скорбного, трагического звучания этой идеи в современном мире.

В стихотворении «Надпись на могильной плите» (1901), написанном в форме обращения лирического героя к Господу Богу, появляется метафора «завет любви», создающая образ Нового Завета. Главным достоинством человека И. А. Бунин называет верность «завету любви» и новым, евангельским, отношениям между людьми:

«Завет любви хранил я в жизни свято:
Во дни тоски, наперекор уму,
Я не питал змею вражды на брата,
Я все простил, по слову Твоему» (1: 384).

За полгода до начала Первой мировой войны, в марте 1914 г., словно видя опасные процессы, происходящие в душах людей и ведущие к мировой катастрофе, И. А. Бунин создает стихотворение «Новый Завет» (1914) в форме обращения Господа Бога к Иосифу, земному отцу Спасителя. В нем поэт рисует картину греховного состояния человечества: «...проливает мир кровавых слез потоки» (1: 286). Поэтому Господь «расторг

¹ Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 1. С. 51. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

с жестокими завет» (1: 286) и посылает в мир Божественного младенца, в котором Его «благоволение» (1: 287). Как отмечает О. А. Бердникова, «поэт точно передает глубинный смысл прихода в мир Спасителя, призванного исполнить Волю Пославшего Его и возвестить свои заповеди — Новый завет» [Бердникова, 2009b : 147].

Ключевую роль в этом стихотворении играют слова Господа Бога, которые выделяют из духовного содержания Нового Завета именно идею новых отношений между людьми в масштабах всего человечества:

«Иосиф! Близок день, когда мечи
Перекуют народы на орала» (1: 286).

Эти слова — почти дословная цитата из книг пророка Михея и пророка Исаии о том, что наступит время, когда «народы перекуют мечи свои на орала и копыя свои на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Ис. 2:4), (Мих. 4:3).

Приводя это библейское пророчество, Бунин таким образом актуализирует и утверждает евангельскую мысль о необходимости прекращения войн, вражды, ненависти, розни между людьми и установлении мира и новых, братских, отношений между людьми, о которых говорил Христос.

С началом Первой мировой войны в потрясающих по силе произведениях 1914–1916 гг. с поистине пророческой силой И. А. Бунин создает образ человечества, забывшего о Боге, Христе, Божественных заповедях. Так, в стихотворениях «Молчание» (1916), «Отчаяние» (1908–1916) поэт рисует образ людей, забывших о законах, данных Отцом Небесным, своим изначальном братстве и превратившихся в дикую толпу, «род кровожадный и презренный / В грызне скатившихся гиен» (1: 400).

Безусловно, особую роль в развитии темы братства людей играет рассказ «Братья», написанный И. А. Буниным в 1914 г. под впечатлением поездки на Цейлон. Это путешествие на «землю древнейшего человечества» (4: 255) потрясло писателя картинами колониального рабства и той пропастью, которая пролегла между людьми. По свидетельству В. Н. Муромцевой-

Буниной, на Цейлоне И. А. Бунин «почти заболел. Не мог видеть рикш с окровавленными губами от бетеля» [Бабореко: 158].

Традиционно рассказ И. А. Бунина «Братья» исследовался в русле изучения его буддийской основы, буддийского текста. И это вполне закономерно: произведение насыщено цитатами из «Сутты Нипаты», одной из древнейших книг буддийского канона, в которой изложены основные положения учения Будды, и одной из любимых книг писателя. Однако христианский текст в рассказе И. А. Бунина — чрезвычайно значимый для понимания темы братства и авторской идеи — до настоящего времени оставался без внимания исследователей, что приводило к ошибочным выводам в интерпретации рассказа вплоть до провозглашения рассказа «Братья» «апологией буддизма» [Марулло: 95].

Действие рассказа происходит на острове Цейлон, жители которого исповедуют буддизм. Однако И. А. Бунин неоднократно наделяет Цейлон библейскими определениями: «земля прародителей, как и теперь еще называют Цейлон» (4: 7), «земля первых людей» (4: 16), «земля древнейшего человечества, этот потерянный нами эдем» (4: 25); даже земля здесь — «кабук», «из которого и был создан Адам» (4: 7), «вековая смоковница», под которой присел отдохнуть рикша, «как райское дерево» (4: 19), а наготу загорающих черноволосых подростков-цейлонцев И. А. Бунин называет «райской» (4: 7). Но рай, божественный Эдем, превратился в ад, вернее, сами люди своими грехами и преступлениями превратили рай в ад. Контаминируя буддийский и христианский хронотопы, И. А. Бунин создает общечеловеческий хронотоп, рассказ же о событиях, происходящих на Цейлоне, превращается в рассказ о греховной жизни всего человечества, ушедшего от Бога.

Утверждению идеи братства людей служат параллели из жизни рикши и жизни богатого англичанина, на которых построен рассказ, и единые для буддизма и христианства заповеди. Так, наряду со множеством цитат из Сутты-Нипаты, И. А. Бунин вводит в текст первой части рассказа, посвященной молодому рикше, пять главных буддийских заповедей-канонов: «Не убивай, не воруй, не прелюбодействуй, не лги и ничем не опьяняйся» (4: 12–13), четыре из которых полностью

совпадают с заповедями, являющимися в составе Десяти заповедей Ветхого Завета Законом для христиан. Но ведь молодой рикша не убивал, не воровал, не прелюбодействовал, не лгал, из всех этих заповедей лишь одна имеет к нему отношение: «ничем не опьяняйся». Об этом свидетельствует и эпизод, в который введены буддийские заповеди из Сутты-Нипаты (рикша требует у англичанина остановиться, чтобы купить бетель), и содержание всего рассказа. И все-таки И. А. Бунин ввел в текст все пять канонов и, конечно, не случайно. К кому же автор обращает эти заповеди и непреложные истины, являющиеся едиными для буддизма и христианства? Из повествования становится совершенно очевидным, что обращены они к англичанину, который сам рассказывал о том, что «убивал людей сотнями» (4: 24), воровал, «ограблял» (4: 26) колониальные страны, прелюбодействовал — развращался и развращал: «... в Японии покупал девочек в месячные жены» (4: 26), лгал, называя ограбление и порабощение стран «колониальными задачами» (4: 26), и опьянялся (И. А. Бунин не раз повторяет, что англичанин опьяняет себя виски). Подчеркивая общность заповедей христианства и буддизма, писатель показывает религиозно-нравственную основу для единства и братства людей.

Несомненно, для глубокого и верного понимания рассказа «Братья» и темы братства необходимо обратиться к эпиграфу и самому названию, играющим важнейшую роль в выражении авторской позиции и идеи:

«Взгляни на братьев, избивающих друг друга. Я хочу говорить о печали» (4: 7).

Исследователи не раз констатировали, что Бунин, взяв в качестве эпиграфа цитату из Сутты-Нипаты, изменил ее, заменив слово «люди» на «братья», однако, как правило, эта замена оставалась без объяснений (см.: [Солоухина], [Чебо-ненко] и др.) либо констатировалась некая схожесть героев, которая приравнивалась к «братству», при этом слова «братья», «братство» употреблялись в кавычках. Так, О. В. Сливичкая называет рикшу и англичанина «братьями» перед лицом некоего «космического» зла, «той космической жизни, которой подчинена хрупкая судьба человека» [Сливичкая: 129].

Корейский исследователь Ким Кен Тэ развивает эту мысль: «То, что оба героя рассказа Бунина одинаково оказываются во власти стихии, что их судьбы вписаны в мир солнца, ночи, океана, раскрывает еще один аспект "братства" англичанина и сингалеза — делает их братьями перед лицом мироздания» [Ким Кен Тэ: 34]. Однако И. А. Бунин показывает, что не «космическое зло» и не стихии управляют жизнями и судьбами людей, а прежде всего сами люди своими собственными мыслями, поступками, делами. Так, комментируя смерть старого рикши, И. А. Бунин пишет, что «за могилой ждала его новая скорбная жизнь, след неправой прежней» (4: 9). «Мрак» и «бездну» из своей жизни сделал сам англичанин своими грехами и преступлениями. Ю. Мальцев считает, что «обоих героев рассказа <...> объединяет в людском "братстве" общая неизбежность страдания и смерти» [Мальцев: 215]. Однако все вышеприведенные объяснения противоречат эпиграфу, в котором люди-братья избивают друг друга, о чем свидетельствует и полный текст Аттаданда сутты «Взятый в руку жезл», представляющий собой слова Будды: «Кто в руки взял жезл, тот нагоняет страх. Взгляни на людей, избивающих друг друга, я хочу говорить о печали, как я изведаль ее. Когда я увидел: вот мечутся люди, как рыба в садке, где мало воды, вот они ставят помехи в жизни друг другу, — на меня напал страх»². Кроме того, «братство», взятое в кавычки, говорит о том, что некая схожесть, общность героев на самом деле — псевдобратство, поскольку отношения рикши и англичанина никак нельзя назвать братскими. Это «братья», «единые в <...> их духовной несостоятельности», как верно определяет О. А. Бердникова [Бердникова, 2009а: 134]. «Общность» героев объясняется прежде всего отсутствием подлинной религиозности, веры в Бога и потому незнанием истинного пути в жизни и утратой смысла бытия. Вовсе не случайно Бунин неоднократно подчеркивает бессмысленность передвижений и рикши, и англичанина в пространстве жизни.

² Сутта-Нипата: сборник бесед и поучений: буддийская каноническая книга / пер. с пали на англ. Фаусбелля; пер. с англ. Н. И. Герасимовой [Электронный ресурс]. URL: https://dhamma.ru/canon/kn/snp/sut_nip.htm (18.12.2023).

Так каков же смысл замены слов «люди» на «братья» и о каком братстве писал И. А. Бунин? Ведь слово «люди» вполне передает общечеловеческий уровень взаимоотношений. Обратимся к еще одному важному фрагменту текста рассказа, содержащему слово «братство», который поможет прояснить смысл замены слов Буниным: «...грядущее всемирное братство и равенство» (4: 26), о котором с презрением, иронично говорит англичанин:

«Будда понял, что значит жизнь Личности в этом "мире бы-вания", в этой вселенной, которой мы не постигаем, — и ужаснулся священным ужасом. Мы же возносим нашу Личность превыше небес, мы хотим сосредоточить в ней весь мир, что бы там ни говорили о грядущем всемирном братстве и равенстве» (4: 26).

Ю. Мальцев интерпретирует «грядущее всемирное братство и равенство» как «утопическое "братство" политического лозунга революционеров (свобода, равенство, братство)» [Мальцев: 215]. Однако религиозно-философский контекст этого высказывания, как и всего монолога героя, а также христианский текст произведения опровергают такую политизированную интерпретацию: человеческая жизнь в рассказе «Братья» вписана И. А. Буниным в вечность, «мир бывания» (4: 26), «в эту вселенную, которой мы не постигаем» (4: 26), во «Все-Единое» (4: 26), но никак не в политическое революционное время-пространство, знаки которого даже не мелькают в мире рассказа. Текстуальный стилистический анализ высказывания англичанина также опровергает такую политизированную интерпретацию: в революционном лозунге — «свобода, равенство, братство», в рассказе — «братство и равенство». Несомненно, И. А. Бунин, художник, чуткий к каждому слову и его малейшему оттенку, не мог просто убрать слово «свобода» или просто не обратить внимание на порядок слов. Нет, И. А. Бунин пишет именно о «братстве и равенстве», и весь христианский текст рассказа свидетельствует о том, что это «братство и равенство», о которых говорил Христос и которые утрачены людьми современной цивилизации: это равноправные человеческие взаимоотношения, основанные на любви к Богу и к ближнему.

Высокий стиль определения («грядущее» братство и равенство) рождает библейскую ассоциацию с Грядущим в мир Спасителем. Определение («всемирное» братство и равенство) вызывает в памяти слова Христа, обращенные к ученикам: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28:19). Кроме того, в контексте художественного мира И. А. Бунина возникает ассоциативная связь с его стихотворением «Джордано Бруно», в котором появляется образ «единой, всемирной души» (1: 203), неразрывно связанной с Богом:

«Мир — бездна бездн. И каждый атом в нем
Проникнут Богом — жизнью, красотой.
Живя и умирая, мы живем
Единою, всемирною душою» (1: 203).

Эти аргументы, как и все вышеназванные элементы христианского текста, позволяют говорить о евангельском значении слова «братья» в эпиграфе и в названии рассказа, играющих важнейшую роль в выражении ключевой авторской идеи. Заповедь Христа «...все же вы — братья...» (Мф. 23:8) для И. А. Бунина — идеал, и писатель, как пророк, напоминает о ней людям. Поэтому трудно согласиться с мнением, что «Бунин <...> не дает ответа на вопрос "как изменить существующее положение?"» [Ким Кен Тэ: 28]. Слово «братья», введенное автором в эпиграф, а также название рассказа и есть ответ И. А. Бунина на этот вопрос: спасение — в возврате к евангельским ценностям, к евангельским принципам отношений между людьми.

Однако англичанин, выходец из христианского мира, отказавшись от Бога, от Христа, «оставшись равнодушным ко всем этим Зевсам, Аполлонам, к Христу, к Магомету» (4: 25), не хочет знать этой евангельской истины. И. А. Бунин намеренно несколько раз повторяет символически значимую деталь портрета англичанина: его «как будто ничего не видящие глаза» (4: 12, 15). Пресыщенный всеми возможными материальными благами этот безбожник потому и утратил смысл жизни, потому и не видит выхода из того мрака и из той бездны, к которым он пришел сам, что отрекся от Бога, отказался от спасительных евангельских истин, от пути, указанного

Христом. Ведь для этого нужно оставаться человеком, чувствовать рядом братьев, а не «цветных людей, обращенных <...> в скотов» (4: 25), нужно не превращаться в язычника, поклоняющегося золотому тельцу, нужно не превращаться в преступника и зверя, убивающего своих братьев. Он испытывает страх и ужас, но не раскаяние и не покаяние, поэтому спасение для него невозможно, куда бы он ни старался убежать. Для спасения необходимо покаяние перед Богом и возвращение к Немуж³

Забвение христианских заповедей и евангельской идеи братства людей и разрушение евангельских принципов в отношениях между людьми, ведущие к опасным деформациям души человека, И. А. Бунин видит не только в среде «коммерсантов, техников, военных, политиков, колонизаторов» (4: 25), «господ из Сан-Франциско», но и в крестьянстве, среди простых людей. В январе 1914 г. И. А. Бунин пишет рассказ «Весенний вечер», в котором, как и в «Братьях», звучит мотив трагического разрушения братства людей.

В этом рассказе об убийстве в деревенском шинке встречаются два простых бедных человека: старик-нищий и пьяный мужик. Создавая образы героев, И. А. Бунин намеренно обостряет сюжетную ситуацию: нищий, «старик, похожий на святителя» (3: 487), ведет себя скромно, смиренно, незлобиво; пьяный молодой мужик, «здоровенный оборванный степняк» с «налитыми мутным блеском хмеля глазами» (3: 490), напротив, ведет себя с нищим «грубо и шало» (3: 490), презрительно, высокомерно, порой издевательски: «я тебе умней» (3: 491), «молчи, не вякай лишнего» (3: 491), «я тебе не ровня» (3: 493) и др.

«А теперь пой стих, а то убью сейчас! — крикнул он. — Мне с тобой скушно!

Дрожащим, скромным, но привычным голосом нищий запел из темноты:

Жили-были братья родные,

Богом Христом братья сводные...» (3: 495).

³ (см. об этом: [Габдуллина], [Есаулов, 2004, 2012], [Захаров], [Радь], [Ковалева] и др.).

Эта песня, введенная И. А. Буниным в текст рассказа, — ключ к пониманию авторской идеи. Она звучит как напоминание об Иисусе Христе, о евангельских истинах, о родстве душ во Христе, о человеческом братстве и равенстве. Эта истина укоренилась глубоко в душе русского человека, поэтому даже пропивающий свою жизнь пьяный мужик помнит о ней. Услышав эту песню, он как будто опомнился, чувствуя свое родство с нищим:

«Пой, Лазарь, пой, родный мой братец! ...Оба мы с тобой...» (З: 494).

Но через мгновение он вновь становится прежним, грубым, злобным, высокомерным:

«Только что ты передо мной? Бродяга! А я рабочий человек, всех страдащих поилец-кормилец» (З: 494).

Всем ходом повествования И. А. Бунин свидетельствует, что евангельская истина о человеческом братстве и равенстве осуществится в жизни, если будет основываться на главной, «наибольшей заповеди в законе» (Мф. 22:36): «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» (Мф. 22:37). В душе озлобленной, забывшей о Боге, поставившей гордыню, свое благополучие превыше всего на свете, евангельская истина о братстве дискредитируется, принимает уродливые, искаженные проявления. И потому мужик, даже называя нищего «братом», жестоко убивает его, чтобы завладеть деньгами.

«Нищий человек, отдай мне свои деньги! <...> Знаю, что есть! Не может быть, чтобы не было, — отдай за-ради самого господа бога! <...> Заплаканное лицо мужика, чуть видное в сумерках, было безумно.

— Отдай! — повторил он сразу охрипшим голосом. — За ради царицы небесной — отдай! <...> Отдай — тебе все равно ни к чему, ты в гробу одной ногой, а я навек человеком стану! Отдай добром, — брат, родный, не доводи до греха! <...>.

— Нет, — едва слышно, но непоколебимо сказал нищий. <...>.

— Хорошо, — с безумной покорностью проговорил мужик. — Я тебе убью. Пойду, найду камень и убью. <...>.

— Остатний раз тебе говорю... — пробормотал мужик спаленными губами, подходя к нему с большим белым камнем в руках. — Брат...

Нищий молчал» (3: 495, 496).

Трудно согласиться с мнением, что это «рок», «нечто неподвластное разуму» [Солоухина: 54] заставляет героя совершить жестокое убийство. Мужик сам говорит о том, что стало причиной его несчастий, развала его жизни и озлобленности: «Возгордился я на Бога» (3: 495). Поэтому закономерно, что в этой истории, рассказанной И. А. Буниным, и особенно в признаниях пьяного мужика прочитывается «вечный» библейский сюжет — сюжет об убийстве Каином родного брата Авеля:

«Мине горе съело, у всех людей праздник, у всех людей севы, а я грызу землю, она, родимая, другую весну у меня пустуя...» (3: 494).

Обиды на Бога и на людей, зависть, желание благополучия, поставленное выше воли Всевышнего, ведут героя к братоубийству. Для нищего же его деньги, символ благополучия — «девянсто два рубля бумажками» (3: 488), зашитые в ладанку, — тоже оказались дороже жизни, дарованной Отцом Небесным.

Вера И. А. Бунина в Бога, верность евангельским заповедям, идея братства людей подвергается жесточайшей проверке в период поворотных драматических событий российской истории начала XX в.: Первой мировой войны, революций 1917 г. и Гражданской войны. Революцию 1917 г. писатель не принял, отвергая как кровавое безумие, как развязывание диких инстинктов в народе, как разрушение России. И. А. Бунин категорически не приемлет диктатуры пролетариата, жестокости и беззакония, «душегубства и разрушительства»⁴, с которыми создается новое устройство России, не приемлет превращения народа в дикую, озверевшую толпу.

В дневнике «Окаянные дни», в лирике 1917–1920-х гг., в программной речи «Миссия русской эмиграции», произнесенной в Париже 16 февраля 1924 г., звучат мотивы гнева и ненависти

⁴ Бунин И. А. Окаянные дни: Неизвестный Бунин. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 325. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Бунин* и указанием страницы в круглых скобках.

к русскому Каину. Но вместе с тем при всей субъективности, односторонности и порой несправедливости оценок И. А. Буниным происходящих событий нельзя не увидеть, говоря словами самого писателя, его «не партийной, не политической, а человеческой, религиозной точки зрения» (Бунин: 330). Она заключается в неутраченной боли о разрушении «вечных, божественных основ человеческого существования» (Бунин: 325), о забвении заповедей Моисея и Христа (Бунин: 328), о разрушении России как общего дома, «разгроме буквально всего дома и неслыханном братоубийстве» (Бунин: 327). Трагическая тема братоубийства проходит лейтмотивом через дневник «Окаянные дни» и речь «Миссия русской эмиграции». Об этом свидетельствует и название дневника, и образы русского Каина и русского Авеля, не раз возникающие на страницах этих произведений: «Да и сатана Каиновой злобы, кровожадности и самого дикого самоуправства дохнул на Россию именно в те дни, когда были провозглашены братство, равенство и свобода. Тогда сразу наступило исступление, острое умопомешательство» (цит. по: [Пращерук: 89]). В первые месяцы диктатуры пролетариата И. А. Бунин прозорливо увидел, что братство, равенство и свобода без Бога, без Христа лишаются вечных, незыблемых основ, не позволяющих человеку превратиться в преступника и убийцу:

«Каин России, с радостно-безумным остервенением бросивший за тридцать сребреников всю свою душу под ноги дьявола, восторжествовал полностью» (Бунин: 126).

Н. В. Пращерук верно подчеркивает, что «в этом суждении предельно четко, сконцентрированно выражено бунинское понимание того, что братоубийству всегда предшествует предательство, понимаемое в самом глубинном смысле как предательство семьи, веры, Бога и Отечества» [Пращерук: 90]. Отсюда рождается контаминация образов Каина и Иуды в дневнике «Окаянные дни» и в речи «Миссия русской эмиграции».

Завершая речь «Миссия русской эмиграции», И. А. Бунин вновь обращается к трагической теме братоубийства, к образам Каина и Авеля:

«...молю Бога, чтобы Он до моего последнего издыхания продлил во мне <...> святую ненависть к русскому Каину. А моя любовь к русскому Авелю не нуждается даже в молитвах о поддержании ее» (Бунин: 331).

Но мог ли Бунин, чье дореволюционное творчество наполнено христианским духом, жить гневом и ненавистью? Ответить на этот вопрос помогает лирико-философская проза И. А. Бунина 1920-х гг., как и лирика, вобравшая в себя и выразившая то потрясение, которое пережил писатель в годы поворотных событий российской истории.

Лирический герой поэзии и лирико-философской прозы И. А. Бунина периода эмиграции обретает опору в вере в Бога и в Божественной любви Христа-Спасителя, которые помогают преодолеть праведный гнев, принять совершившиеся исторические события как волю Творца, пережить расставание с Родиной. Уже через несколько месяцев после произнесения речи «Миссия русской эмиграции» Бунин пишет произведения, которые свидетельствуют о преодолении «тщетной ненависти» (Бунин: 319) и о прощении врагов по примеру Иисуса Христа. Так, в финале лирико-философского рассказа «Богиня разума» (16 мая 1924 г.), выражающем авторские мысли и чувства, появляется потрясающий по силе воздействия образ Христа:

«Остался, есть и вовеки пребудет Тот, Кто, со креста любви и страдания, простирает своим убийцам объятия» (4: 286).

Этот образ Иисуса Христа — художественное воплощение заповеди Спасителя «любите врагов ваших» (Мф. 5:44), проявление высочайшей степени Божественной христианской любви.

Через несколько дней после «Богини разума» 25 мая 1924 г. И. А. Бунин создает лирико-философский рассказ «Слепой», в котором вновь открыто выражает свою заветную евангельскую идею человеческого братства. Эпическая часть сюжета рассказа предельно сжата, она представляет собой описание всего одной сцены — повествователь рассказывает о встрече со слепым нищим, который благодарит людей за милостыню «просто и сердечно»:

“— Merci, merci, mon bon frère!” (4: 303)⁵.

Эти слова, так взволновавшие рассказчика, поднимают из глубин его души сокровенные чувства и мысли:

«Mon bon frère...». Да, да, все мы братья, но только смерть или великие скорби, великие несчастья напоминают нам об этом с подлинной и неотразимой убедительностью, лишая нас наших земных чинов, выводя нас из круга обыденной жизни. Как уверенно произносит он это: mon bon frère! <...> И совсем, совсем не потому у него нет этого страха, что ему все простят по его слепоте, по его неведению. Нет, совсем не потому. Просто он теперь больше всех. Десница божия, коснувшаяся его, как бы лишила его имени, времени, пространства. Он теперь просто человек, которому все братья... <...>

Всякое страдание есть наше общее страдание, нарушающее нашу общую радость жизни, то есть ощущение друг друга и всего сущего!

Не пекитесь о равенстве в обыденности, в ее зависти, ненависти, злом состязании.

Там равенства не может быть, никогда не было и не будет» (4: 303–304).

Не приняв революции 1917 г., диктатуры пролетариата, братоубийственной Гражданской войны, покинув Россию, И. А. Бунин по-прежнему превыше всех политических, религиозных, национальных различий ставит идею братства людей, глубочайшей взаимосвязи всего человечества.

Два образа Иисуса Христа: Христос, «скорбно распростерший братские объятия», из раннего стихотворения и Христос, «со креста любви и страдания простирающий своим убийцам объятия», из позднего рассказа — свидетельствуют о евангельской основе темы братства людей и ее восходящем развитии в творчестве И. А. Бунина.

Тема братства людей, имеющая несомненную евангельскую основу, получает развитие на протяжении всего творчества И. А. Бунина, что свидетельствует о ее значимости для мировоззрения писателя, для его концепции мира и человека, являясь еще одним убедительным свидетельством христианской основы поэтики писателя.

⁵ Спасибо, спасибо, мой добрый брат! (фр.).

Список литературы

1. Бабореко А. И. А. Бунин: материалы для биографии: с 1870 по 1917. М.: Худож. лит., 1967. 303 с.
2. Бердникова О. А. К вопросу о художественной антропологии И. А. Бунина // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 1. С. 129–136. (а)
3. Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир»: творчество И. Бунина в контексте христианской духовной традиции. Воронеж: Воронежская обл. типография; Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2009. 272 с. (b)
4. Габдуллина В. И. «Блудные дети, двести лет не бывшие дома»: евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского. Барнаул: Концепт, 2008. 304 с.
5. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
6. Есаулов И. А. О сокровенном смысле «Станционного зрителя» А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 25–31 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457947949.pdf (18.12.2023) DOI: 10.15393/j9.art.2012.336
7. Захаров В. Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 7–19 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (18.12.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382
8. Ким Кен Тэ. Мир Востока в рассказе Бунина «Братья» // Русская литература. СПб.: Наука, 2002. № 3. С. 19–36.
9. Ковалева Т. Н. Мотив блудного сына в сюжете романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 301–325 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1620247228.pdf (18.12.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9582
10. Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953. М.: Посев, 1994. 432 с.
11. Марулло Т. Г. Рассказ Бунина «Братья»: апология буддизма // И. А. Бунин и русская литература XX века. М.: Наследие, 1995. С. 95–99.
12. Пращерук Н. В. Каин в художественном мире И. А. Бунина // Компаративные филологические исследования в эпоху глобализации: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. С. 84–92.
13. Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе. Модификации архетипического сюжета в движении эпох. М.: Флинта: Наука, 2014. 364 с.
14. Сливичкая О. В. Проблема социального и «космического» зла в творчестве И. А. Бунина («Братья» и «Господин из Сан-Франциско») // Русская литература XX века (Дооктябрьский период). Калуга: Б. и., 1968. Сб. 1. С. 123–135.
15. Солоухина О. В. О нравственно-философских взглядах И. А. Бунина // Русская литература. СПб.: Наука, 1984. № 4. С. 47–59.

16. Чебоненко О. С. Буддийский канонический трактат «Сутта-Нипата» в творческом наследии Л. Н. Толстого и И. А. Бунина // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2013. № 10. С. 110–116 [Электронный ресурс]. URL: https://journals.bsu.ru/content/pages/152/filologiya._2013_10.pdf (18.12.2023).

References

1. Baboreko A. I. A. *Bunin: materialy dlya biografii: s 1870 po 1917* [I. A. Bunin: *Materials for Biography: from 1870 to 1917*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1967. 303 p. (In Russ.)
2. Berdnikova O. A. On the Question of I. A. Bunin's Artistic Anthropology. In: *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University Herald], 2009, no. 1, pp. 129–136. (In Russ.) (a)
3. Berdnikova O. A. "Tak sladok serdtsu Bozhiy mir": tvorchestvo I. Bunina v kontekste khristianskoy dukhovnoy traditsii ["God's World Is So Sweet to the Heart": I. A. Bunin's Works in the Context of the Christian Spiritual Tradition]. Voronezh, Voronezh Regional Printing House Publ., Publishing House E. A. Bolkhovitinov Publ., 2009. 272 p. (In Russ.) (b)
4. Gabdullina V. I. "Bludnye deti, dvesti let ne byvshie doma": evangel'skaya pritcha v avtorskom diskurse F. M. Dostoevskogo ["Prodigal Children, Absent from Home for Two Hundred Years": A Evangelical Parable in the Author's Discourse of F. M. Dostoevsky]. Barnaul, Kontsept Publ., 2008. 304 p. (In Russ.)
5. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [Paskhal'nost' of the Russian Literature]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
6. Esaulov I. A. On the Sacred Meaning of "The Station Master" by Alexander Pushkin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, vol. 10, pp. 25–31. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457947949.pdf (accessed on December 18, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2012.336 (In Russ.)
7. Zakharov V. N. The Idea of Ethnopoetics in Contemporary Research. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 7–19. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (accessed on December 18, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382 (In Russ.)
8. Kim Ken Te. The World of the East in Bunin's Story "Brothers". In: *Russkaya literatura*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, no. 3, pp. 19–36. (In Russ.)
9. Kovaleva T. N. The Motif of the Prodigal Son in the Plot of Ivan Bunin's Novel "The Life of Arseniev". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2021, vol. 19, no. 2, pp. 301–325. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1620247228.pdf (accessed on December 18, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9582 (In Russ.)
10. Mal'tsev Yu. *Ivan Bunin. 1870–1953* [Ivan Bunin. 1870–1953]. Moscow, Posev Publ., 1994. 432 p. (In Russ.)

11. Marullo T. G. Bunin's Story "The Brothers": an Apology of Buddhism. In: *I. A. Bunin i russkaya literatura XX veka* [I. A. Bunin and Russian Literature of the 20th Century]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, pp. 95–99. (In Russ.)
12. Prashcheruk N. V. Cain in the Artistic World of I. A. Bunin. In: *Komparativnye filologicheskie issledovaniya v epokhu globalizatsii* [Comparative Philological Research in the Age of Globalization]. Yekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2023, pp. 84–92. (In Russ.)
13. Rad' E. A. *Istoriya "bludnogo syna" v russkoy literature. Modifikatsii arkhypicheskogo syuzheta v dvizhenii epokh* [The Story of "Prodigal Son" in Russian Literature. The Modifications of the Archetypal Plot in Different Periods]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2014. 364 p. (In Russ.)
14. Slivitskaya O. V. The Problem of Social and "Cosmic" Evil in the Works of I. A. Bunin ("Brothers" and "The Gentleman from San Francisco"). In: *Russkaya literatura XX veka (Dooktyabr'skiy period)* [Russian Literature of the 20th Century (Pre-October Period)]. Kaluga, 1968, collection 1, pp. 123–135. (In Russ.)
15. Soloukhina O. V. On the Moral and Philosophical Views of I. A. Bunin. In: *Russkaya literatura*, 1984, no. 4, pp. 47–59. (In Russ.)
16. Chebonenko O. S. The Buddhist Canonical Treatise "Sutta-Nipata" in the Creative Work of L. N. Tolstoy and I. A. Bunin. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Buryat State University. Philology], 2013, no. 10, pp. 111–116. Available at: https://journals.bsu.ru/content/pages/152/filologiya._2013_10.pdf (accessed on December 18, 2023). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ковалева Татьяна Николаевна, *Tatiana N. Kovaleva*, PhD (Philology), кандидат филологических наук, доцент кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования, Пятигорский государственный университет (пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, Российская Федерация, 357532); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-00647600>; e-mail: tatjana_kovaleva@mail.ru.

Associate Professor of the Department of Literature and Pedagogical Technologies of Philological Education, Pyatigorsk State University (pr. Kalinina 9, Pyatigorsk, 357532, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-00647600>; e-mail: tatjana_kovaleva@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 18.12.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 26.03.2024

Принята к публикации / Accepted 29.03.2024

Дата публикации / Date of publication 13.05.2024